

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА И СРЕДЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

LIUDMILA B. KARPENKO

CONCEPTUALIZATION OF THE HUMAN CONDITION AND THE ENVIRONMENT IN RUSSIAN LANGUAGE

**Людмила Борисовна
Карпенко**

<https://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

► liudmila.karpenko.53@mail.ru

доктор филологических наук, профессор

Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С. П. Королёва,
Российская Федерация, 443086,
Самара, Московское шоссе, 34

Lyudmila B. Karpenko

Doctor in Philology, Professor

Samara National Research University named
after Academician S. P. Korolev,
34, Moskovskoe shosse, Samara,
443086, Russian Federation

В статье представлен анализ специфики концептуализации и грамматического оформления содержательного комплекса состояния человека и среды в русском языке в сопоставлении с болгарским языком. Исследование проводится на материале параллельных оригинальных и переводных текстов Национального корпуса русского языка и выборки из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его перевода на болгарский язык, выполненного Г. Константиновым. Рассмотрена зависимость расхождений между оригиналом и переводом от системных особенностей языков. Особое внимание обращено на проблему переводимости грамматической специфики и на грамматическое оформление разных типов состояния в двух языках. На материале разнообразных моделей, передающих семантику состояния, показано своеобразие выражения этого содержательного комплекса в русском языке. Подходы и методы исследования: системный, сопоставительный, контекстуальный, структурно-грамматический. Автор статьи приходит к выводу об относительной общности языковой концептуализации мира в двух языках: в своих грамматических системах, как и в лексических и фразеологических средствах, языки отражают когнитивную оценку реальности, однако в определенных случаях в них доминируют разные аспекты оценки. Для русской языковой картины мира характерна предметно-пространственная доминанта, она определяет выражение содержательного комплекса состояния в разных его типах, преобладающими грамматическими средствами выражения которых служат безличные предложения и предложно-падежные формы. Болгарский язык концентрирует внимание на состоянии как действии. Различие концептуализации состояния часто наблюдается в переходе от русских безличных предложений к двусоставным, от предложно-падежных сочетаний к болгарским глагольным формам. Мастерство переводчика зависит от понимания системных различий между исходным и переводящим языками и умения использовать возможные варианты соответствия.

Ключевые слова: концептуализация, грамматикализация, русский язык, болгарский язык, системные расхождения, проблемы перевода.

The article presents an analysis of the specifics of conceptualization and grammaticalization of the content complex of the human and environmental condition in the Russian language in comparison with the Bulgarian language. The study is carried out on the material of parallel original and translated texts of the Russian National Corpus and a sample from F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" and its translation into Bulgarian by G. Konstantinov. The problem of dependence of discrepancies between the original and the translation on the systemic features of languages is investigated. Special attention is paid to the problem of

translatability of grammatical specificity and to the grammaticalization of different types of state in the two languages. On the material of various models conveying the semantics of state, the peculiarity of expression of this meaningful complex in Russian is shown. Research methods: systematic, comparative, contextual, structural-grammatical. The author of the article comes to the conclusion about the relative commonality of linguistic conceptualization of the world in two languages: in their grammatical systems, as well as in lexical and phraseological means, languages reflect the cognitive evaluation of reality, but in certain cases they are dominated by different aspects of evaluation. The Russian linguistic picture of the world is characterized by object-spatial dominance, and it determines the expression of the content complex of the state in its different types, the predominant grammatical means of expression of which are impersonal sentences and prepositional-case forms. Bulgarian language concentrates on the state as an action. The difference in the conceptualization of the state is often observed in the transition from Russian impersonal sentences to bi-constituent sentences, from prepositional phrases to Bulgarian verb forms. The translator's skill depends on understanding the systemic differences between the source and target languages and the ability to use possible variant correspondences.

Keywords: conceptualization, grammaticalization, Russian language, Bulgarian language, system discrepancies, translation problems.

ВВЕДЕНИЕ

Отраженное в естественных языках восприятие мира основано на своеобразных системах оценки, интерпретации реальности, ее концептуализации и на характерных национальных стереотипах, выявление и изучение которых является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Этнически обусловленная концептуализация, отраженная в языке, — это закрепление в понятийной системе языка определенных сторон реального мира. Концептуализацию относят к важнейшим процессам познавательной деятельности человека, состоящим в осмыслении информации и приводящим к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы [Кубрякова 1996; Кубрякова 2001]. Лингвистический эффект концептуализации состоит в своеобразии вычленения аспектов реальности, значимых с точки зрения данного языкового сознания, их обрванной интерпретации и языкового оформления. По мысли Дж. Лакоффа, информацию о мире человек обобщает, концептуализирует в понятийных комплексах, своеобразных концептуальных

рамках. Британский ученый Дж. Тейлор когнитивные акты обобщения познавательной деятельности человека относит к категоризации, справедливо отмечая, что их изучение берет свое начало со времен античности и сохраняет доминантные позиции в философии, психологии, лингвистике до XX в.

Проблемы лингвистической концептуализации и категоризации активно изучаются в последние два десятилетия отечественными языковедами. Фундаментально исследует эти категории в своих работах Е.С. Кубрякова, рассматривая вопросы изучения концептуализации и категоризации в языке как ключевые проблемы современной когнитивной лингвистики [Кубрякова 2004: 306]. Значимость концептуализации и категоризации для языкознания подчеркивается и другими лингвистами; самые важные структуры знания объективированы и сохранены в языковой форме, «понимание и интерпретация текстов определяется выбором и комбинаторикой языковых знаков, которые задаются на концептуальном уровне языка» [Болдырев 2000: 13]. Язык «выражает своей семантикой и номинативными единицами то, что познано мышлением народа и сочтено важным для использования в обмене информацией» [Попова, Стернин 2001: 57]. С позиций разных современных подходов лингвистами обосновывается положение о том, что каждый естественный язык включает в себе оригинальный взгляд на мир и особенности его концептуализации, в значительной степени универсальные, в каких-то моментах, которые могут быть проявлены на любом языковом уровне, своеобразны. Для понимания сути этих процессов оказывается важным изучение специфики грамматикализации определенных значений в конкретном языке. Значительное продвижение в исследованиях такой направленности стало возможно с развитием корпусной лингвистики и появлением параллельных корпусов.

Современные сопоставительные исследования языковой концептуализации восходят к идее внутренней формы языка В. фон Гумбольдта, полагавшего, что языки отражают разные способы мышления и восприятия [Гумбольдт 1984; Humboldt

2019], и к идее лингвистической относительности Сепира — Уорфа [Sapir 1924]. Различия концептуализации в естественных языках Э. Сепир демонстрировал на примере типовой ситуации восприятия падения камня, которую носители разных языков передают различно, сообразно грамматическим особенностям конкретных языков. Не только отражение ситуации, но и грамматические характеристики слов, как показал Уорф, связаны с различиями восприятия и «членения» мира [Уорф 1960: 178].

Сопоставительные исследования особенностей языковой концептуализации развивают теорию общей семантики французского лингвиста Б. Потье, учитывающую референциальный и концептуальный уровни, а также уровни естественного языка и готового текста. На уровне концептуализации вычленяются основные онтологические характеристики понятийного комплекса, на уровне языка происходит построение мыслительных и синтаксических структур, которые получают окончательное оформление в тексте [Анисимова 2015: 8]. Когнитивно-семиотический ракурс сопоставления, обозначенный итальянским лингвистом У. Эко, выявляет сравнимость языковых систем в свете контекстов и в соотнесенности с отраженным в контекстах миром [Эко 2006].

Возможности анализа черт общности и различий в проявлениях особенностей языковой концептуализации расширились с появлением нового лингвистического направления — сопоставительной когнитивной лингвокультурологии, ориентированной на изучение лингвокультурных кодов как систем «взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание» [Карасик 2009: 4]. Изучение культурно-языковых картин мира служит обоснованием того, что особенности концептуализации действительности в какой-то мере национально специфичны, как специфичны и лингвокультурные коды, поскольку «носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков» [Апресян 1995: 39], каждый язык воспроизводит в чем-то особенную картину мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев

2005]. Овладевая языком, человек усваивает национально-культурные особенности восприятия мира, свойственный данному народу образ мира, «видение мира через призму национальной культуры, одним из важнейших компонентов которой (и средством овладения ею) и является язык» [Леонтьев 2003: 225]. Среди содержательных комплексов, представляющих интерес для сопоставительного исследования особенностей языковой концептуализации, находится комплекс «состояние человека и среды».

Цель, задачи и методы исследования

В данной работе внимание сосредоточено на анализе своеобразия грамматической концептуализации состояний человека и среды в русском языке в сравнении с болгарским. Актуальность разработки определяется необходимостью развития концептуального подхода к изучению грамматической системы русского языка. Исследование проводится на материале оригинальных и переводных художественных текстов параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и на материале выборки из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Достоевский 1973] и его перевода на болгарский язык, выполненного Г. Константиновым.

Цель данной работы — изучить и описать особенности концептуализации и грамматического оформления содержательного комплекса состояния человека и среды в русском языке на фоне болгарского. Задачи исследования: в материале параллельных оригинальных и переводных русских и болгарских художественных текстов выявить грамматические средства, используемые при выражении семантики состояния; изучить особенности концептуализации и грамматического оформления состояния среды, физиологического и психического состояния человека, грамматические модели репрезентации содержательного комплекса состояния; определить и проинтерпретировать, в чем состоит своеобразие концептуализации трех рассматриваемых типов значений и специфика их грамматического оформления в двух сравниваемых языках.

Подходы и методы исследования: системный, сопоставительный, контекстуальный, структурно-грамматический.

Обсуждение

Грамматические средства выражения содержательного комплекса состояния в русском языке

Лингвокогнитивные модели, передающие состояние человека и среды, предполагают наличие в языке концептуализированных смыслов и ядерных и периферийных средств их выражения, которые формируют соответствующее функционально-семантическое поле. В центре поля оказываются грамматические и лексические средства, представляющие регулярное выражение соответствующих смыслов. Средствами лексического, морфологического и синтаксического уровней реализуются значения психического и физиологического состояния человека, состояния внутренней и внешней среды. Для русской лингвокультуры они настолько значимы, что в языке характеристика состояния грамматизирована в конкретных единицах — определенных типах безличных предложений и словах категории состояния, получивших терминологическое обозначение в работе «О частях речи в русском языке» Л. В. Щербы, писавшего о них как об особой категории русского языка [Щерба 1957]. В. В. Виноградовым были указаны четыре основных семантических разряда таких слов, обозначающих эмоциональное состояние человека (*грустно, радостно, страшно, смешно, скучно* и т. д.); физическое состояние (*больно, тепло* и т. п.); состояние природы (*темно, светло, холодно* и т. п.); состояние окружающей среды (*уютно, удобно, пустынно* и пр.) и находящих полный параллелизм в группах безличных глаголов. Помимо слов категории состояния, предикаты безличных предложений, передающих в русском языке состояние, могут быть выражены безличными формами 3-го лица ед. ч. или среднего рода. Для текстов русской художественной литературы характерно органичное использование этих грамматических средств русского языка, придание им эстетической значимости.

Особенности концептуализации состояния среды

В своих грамматических системах, как и в лексических и фразеологических средствах, языки отражают когнитивную оценку реальности, при этом в них могут доминировать разные аспекты оценки. Для русской языковой картины мира важна предметно-пространственная доминанта, которая отражается в грамматической системе языка и в речи [Карпенко 2024]. Она характерна для высказываний, описывающих состояние среды. При выражении состояния внешней среды отмечается регулярность соотношения русских обстоятельственных пространственных структур и болгарских субъектных:

В комнате было душно... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание). — *В стаята беше задушно...* (пер. Г. Константинов); *Теперь в небе пусто* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Парень из преисподней). — *Сега небето е пусто* (пер. М. Златарова); *В небе прогремело весело и кратко...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). — *Небето весело и кратко прогърмя...* (пер. Л. Минкова); *Улиците бяха безлюдни* (Андрей Гуляшки. История с кучета). — *На улицах пустынно* (пер. С. Драгомирецкий). (Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].)

Выражение предметно-пространственной доминанты в русском языке осуществляется за счет широко развитой системы предложно-падежных форм. Устойчивостью характеризуются выражения *есть/нет, было / не было на свете... в мире, на месте, на дворе* при констатации самых разных фактов. При выражении состояния среды так же избыточно, как и при описании предметной обстановки, в русских текстах используются эти маркеры. При сравнении оригинальных и переводных текстов устанавливается расхождение, которое состоит в регулярном использовании в русском тексте характерного предложно-падежного маркера *на дворе* и достаточно частой в этих случаях лакуне перевода, а также в обобщенном обозначении пространства наречием *вън/навън* ('вне'):

На дворе стемнело, и гости удалились (И. С. Тургенев. Накануне). — *Стъмни се и гостите си отидоха* (пер. Г. Константинов); *Вот уж октябрь на дворе, зима на носу...* (И. С. Тургенев. Накануне). — *Ето вече е октомври, зимата е под носа ни* (пер. Г. Константинов); *Только что он достал заклад, как вдруг где-то на дворе раздался чей-то крик...* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание). — *Той токущо беше извадил залога, когато изведнъж навън някой извика...* (пер. Г. Константинов); *И правильно, думал Максим Иванович, на дворе июнь, тепло, солдаты должны высыпаться...* (А. Рыбаков. Дети Арбата). — *Прави са, мислеше си Максим Иванович, юни е, топло, войниците трябва добре да се наспиват, да бъдат добре нахранени, строго следеше за това* (пер. З. Петрова).

Особенности концептуализации физиологического состояния человека

Специфика концептуализации физиологического состояния, свойственная русскому языку, связана с тем, что орган восприятия состояния передается как локус, место распространения признака, оформленного безличным предикатом в структуре безличного предложения. Конкретные лексико-синтаксические разновидности безличных предложений, передающих состояние человека, в русском языке представляют собой модели, семантически, лексически и грамматически ограниченные. Так, предложения, передающие состояния организма, заполняются формами предложного падежа с предлогом в примерно полутора десятка общеупотребительных субстантивов, называющих части тела человека (*в боку, в висках, в глазах, в голове, в горле, в груди, в животе, в затылке, в носу, в плече, во рту, в сердце, в ушах*), и примерно таким же количеством безличных глаголов, обозначающих проявления различного рода неприятных или болезненных состояний человека (*вяжет, горит, горчит, дерет, жжет, звенит, колет, ломит, ноет, першит, печет, рябит, сосет, стреляет, урчит, шумит*). В большинстве случаев можно говорить о фразеологизации конструкций: *звенит/гудит/шумит — в ушах, в голове; рябит/*

мельтешит/темнеет — в глазах; вяжет/горит/горчит — во рту и пр.

Определенные типы ситуаций концептуализируются в сравниваемых лингвокультурах различно. Так, ухо концептуализируется в русском языке как место восприятия воздействующего шума и в высказывании грамматически оформляется как пространственный определитель в безличном предложении. В болгарском языке ухо концептуализируется как активный субъект действия, грамматически представленный в роли подлежащего в двусоставном предложении. Различие интерпретации ситуации связано и с грамматическим выражением воспринимаемого признака, который в русском языке интерпретируется как отвлеченное от деятеля действие, передаваемое безличными формами глагола (*завенело, загудело, зашумело*), а в болгарском — как признак, соотнесенный с деятелем, в качестве которого мыслится орган слуха, и выраженный личными формами глагола (*писнаха, зазвънтяха, забучаха*).

В ушах шумит, в голове шумит, как будто от хмеля; и все, что ни есть перед глазами, покрывается как бы паутиною (Н. В. Гоголь. Страшная месть). — *Ушите му шумят, главата му шуми като от пиянство и всичко, което е пред очите му, сякаш се покрива с паяжина...* (пер. Г. Константинов); *У Маргариты зазвенело в ушах* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). — *На Маргарита ѝ зазвънтяха ушите* (пер. Л. Минкова); *...загудело в ушах* (Е. Замятин. Мы). — *...ушите ми писнаха* (пер. Р. Бърдарска); *Едното ми ухо писна, като че нахлу вятър в него* (Камен Калчев. При извора на живота). — *В одном ухе зазвенело, словно его продуло ветром* (пер. Н. Глен); *Ушите ѝ забучаха* (Д. Димов. Осъдени души). — *В ушах зашумело* (пер. Т. Рузская).

Подобный тип соответствий наблюдается и при описании головной боли, недомогания, когда в русском языке голова концептуализируется как локус, а в болгарском — как субъект активного действия:

В голове шумело (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке). — *Главата му бучеше* (пер. К. Георгиева); *В голове мутнело* (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая). — *Главата ти се размътваше* (пер. З. Петрова) и пр. (см. пример ранее).

Особенности концептуализации психического состояния человека

Приемы выражения психических и эмоциональных состояний широко представлены в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, одной из важнейших стилевых особенностей которого является подчеркнутый интерес к прорисовке психофизического состояния героев. Важно также, что писатель органично использует характерные модели языка, в его романах «стилеобразующую функцию выполняют профилирующие черты русского языка, отражающие некоторые свойства национального характера и менталитета» [Арутюнова 1999: 868–869].

В силу родства русского и болгарского языков, общности основ грамматического строя и единства большей части лексических корпусов в значительном количестве случаев переводчику удастся тождественно передать концепты состояния на болгарском языке. Тем не менее в определенных случаях наблюдается неполное соответствие фрагментов перевода оригиналу. Наблюдения показывают, что выбор определяется не только условиями контекста [Комиссаров 1990], но и системными различиями между языками. В русском языке проявление сильного психического переживания человека концептуализируется как среда, в которую человек погружен, и оформляется по пространственной модели с использованием предложно-падежных форм (в + Пр. п.): *в бреду, в беспамятстве, в бессилиии, в волнении, в восторге, в задумчивости, в злобе, в лихорадке, в недоумении, в нетерпении, в ожидании, в отчаянии, в смущении, в страхе, в тоске, в тревоге, в удивлении, в ужасе* и пр. В болгарском языке, пережившем утрату именного склонения и перераспределение функций предлогов, использование предложно-именных конструкций ограничено, поэтому при описании психического состояния человека часто наблюдается использование иных грамматических средств. Здесь состояние обычно концептуализируется как действие или динамическая характеристика человека, что грамматически выражается в переходе от пространственной модели русских

предложно-падежных сочетаний к воспроизводящим динамическую характеристику болгарским глагольным формам. Чаще всего наблюдается замена русских предложно-падежных сочетаний формами страдательных причастий, отпричастных наречий и прилагательных:

- предложно-падежные формы *в страхе* и *в испуге*, *в ужасе* переведены причастиями *уплашен* (-а, -о), *изплашен* (-а, -о), *ужасен* (-а, -о): *Полечка в страхе забила с детьми в угол на сундук. — Полечка, уплашена, се сви с децата в ъгъла, върху сандъка; Соня бросилась к дверям в испуге. — Соня се втурна изплашена към вратата;*
- предложно-падежные формы *в тоске* и *в тревоге* переведены причастиями *измъчен* (-а, -о), *разтревожен* (-а, -о): *И удивился он вдруг: как это он целые полчаса бродил в тоске и тревоге... — И изведнъж се учуди: повече от половин час да се лута измъчен и разтревожен...; Она постояла, посмотрела на него беспокойно и вышла в тревоге. — Тя постоя погледна го с безпокойство и излезе разтревожена;*
- предложно-падежные формы *в удивлении*, *в недоумении*, *в смущении* переведены причастиями *изненадан* (-а, -о), *учуден* (-а, -о), *смутен* (-а, -о), *объркан* (-а, -о): *Та вошла в чрезвычайном удивлении... — Тя влезе крайно учудена...; ...кучер казался в недоумении — кочияшият изглеждаше объркан; — Я так и знал! — бормотал он в смущении... — Знаех си аз — мърмореше той смутено...;*
- предложно-падежная форма *в задумчивости* переводится причастием *замислен*: *Раскольников сидел, как бы не обращая внимания, в задумчивости... — Раскольников седеше, сякаш без да обръща внимание, замислен...; Разумихин стоял в задумчивости и в волнении... — Разумихин стоеше замислен и развълнуван...*

Избегая употребления предложных конструкций, переводчик использует, наряду с причастиями, и личные формы глагола: *Покамест он бродил в темноте и в недоумении... — Докато търсеше*

в тѣмното и недоумяваше...; — Скверно то, что я почти в бреду... — Лошото е, че почти бълнувам...

Расхождения, связанные с переводом грамматических структур, наблюдаются и на уровне предложения. Для русского языка характерна продуктивность структурно-семантических разновидностей безличных предложений, передающих состояние как результат действия неких стихийных, неконтролируемых сил. А. Вежицкая, исследуя языковые универсалии, полагает, что неуклонный рост и распространение в русском языке безличных конструкций отвечают особой ориентации русского семантического универсума и в конечном счете русской культуры [Вежицкая 1996: 75]. На самом деле безличные предложения имеют распространение в разных языках мира, однако следует признать, что предложения этого типа весьма характерны для русского языка. Ф. М. Достоевский, показывая героя во власти не поддающихся его контролю сил, намеренно использует безличные модели, и эти модели создают трудности для переводчиков. В переводе на болгарский язык предложение *Ему стукнуло в голову, и потемнело в глазах* передано двусоставной моделью, причем локус в голову переводчиком воспринят и передан как субъект действия: *Главата го блъсна и пред очите му притъмня*. В результате смысл перевода оказывается искаженным: вместо стихийного ментального состояния выражено наблюдаемое физическое действие (букв.: *Его голова дернулась*). В другом случае безличное предложение *...ведь меня от одной мысли... в ужас бросило* трансформировано в субъектное, определенно-личное: *нали само като си го представих наяве... се ужасих...* (букв.: *Ведь как только представил это въяве... я ужаснулся*). Признак стихийности также утрачен. Предложение *Ему все грезилось* передано на болгарский *Пред него непрекъснато минаваха видения* (букв.: *Перед ним непрерывно проходили видения*). Общий смысл передан, но признак стихийности, неконтролируемости и в этом примере в болгарской двусоставной модели утрачен.

В переводе на английский язык, в силу отсутствия безличных предложений в английском

языке, также не передается значение стихийности. Ср. перевод, выполненный С. Garnett: *He felt a hammering in his head, and there was a darkness before his eyes...* (букв.: *Он почувствовал стук в своей голове, и была темнота перед его глазами...*).

В болгарском языке есть свои модели безличных предложений, которые в определенных случаях позволяют передать адекватно смысл русского оригинала. Здесь присутствует структурный ряд безличных предложений со сказуемым, выраженным безличным предикативом со связкой, который используется при передаче как состояния человека, так и состояния окружающей среды и состояния дел. В болгарском языке используется аналогичный русскому конструктивный тип безличных предложений с глагольным сказуемым: *Его почему-то тянуло со всеми заговаривать*. — *Кой знае защо, искаше му се всекиго да заговори*. Специфическая модель безличных предложений болгарского языка с предикативным существительным *страх* и связкой используется при выражении состояния боязни, беспокойства: *«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь!»*. — *«Какво съм намислил да направя и същевременно от какви глупости ме е страх!»*; *Прислала бы и повече, но боюсь за наши расходы дорожные...* — *Бих ти пратила и повече, но ме е страх за пътните ни разноски...* При использовании данной конструкции в переводе наблюдаются генерализация, обобщение и расширение смысла, который в оригинале передан как внутреннее переживание героя.

Результаты исследования

Концептуализация состояния в русском языке представлена на разных языковых уровнях. Средствами лексического, морфологического и синтаксического уровней реализуются значения состояния внутренней и внешней среды, психического и физиологического состояния человека. В статье очерчены характерные особенности концептуализации состояния среды и человека в русском языке на фоне болгарского; рассмотрены примеры, которые показывают потери или изменения смысла при переводе, обусловленные

особенностями языковой концептуализации и системными грамматическими различиями языков. Доказательством межъязыковых различий концептуализации служит регулярная соотносительность различающихся грамматических моделей двух языков.

Для русской языковой картины мира характерна предметно-пространственная доминанта. Она определяет выражение содержательного комплекса состояния в разных его типах, преобладающими грамматическими средствами представления которых служат безличные предложения с предикатами, выраженными словами категории состояния, а также система предложно-падежных форм. Болгарский язык концентрирует внимание на состоянии как действии. Различие концептуализации состояния часто наблюдается в переходе от русских безличных предложений к болгарским двусоставным, от предложно-падежных сочетаний к болгарским глагольным формам.

Процесс перевода связан с определенными трудностями и потерями содержания. В переводе существует особый вопрос о переводимости грамматической специфики языков. Хотя переводимость текстов художественной литературы обусловлена единством мира, общность языковой концептуализации относительна. На уровне грамматической или лексической концептуализации могут наблюдаться расхождения, тем не менее отсутствие полной тождественности не мешает переводу выполнять коммуникативную и культуроформирующую функции. В значительной мере проблемы переводимости обусловлены различием системных грамматических особенностей языков и расхождениями в грамматической концептуализации.

При сопоставлении универсальных концептов, к которым относятся и концепты состояния, отмечены такие же расхождения, они объясняются как системными грамматическими различиями, так и принципиальной возможностью языков представлять реальные отношения под разным углом зрения. Мастерство переводчика зависит от понимания системных различий между исходным и переводящим языками и умения использовать возможные варианты соответствия.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Корпус параллельных текстов. URL: <https://ruscorpora.ru/search> (дата обращения: 20.01.2024).

Достоевский 1973 — Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 6. Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом.* Базанов В. Г. (ред.). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1973. 423 с.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова 2015 — Анисимова Н. П. Общая семантика как теоретическая база сопоставительного исследования. *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*. 2015, (2): 7–11.

Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. *Вопросы языкознания*. 1995, (1): 37–67.

Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамках русской картины мира. В кн.: Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 846–870. (Язык. Семиотика. Культура).

Болдырев 2000 — Болдырев Н. Н. *Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии*. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. 123 с.

Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Гумбольдт 1984 — Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Пер. с нем. Рамишвили Г. В. (ред.). М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Карасик 2009 — Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2009, 44 (10): 4–11.

Карпенко 2024 — Карпенко Л. Б. Пространственность как одна из концептуальных доминант русского языка. В сб.: *Язык — Текст — Дискурс: Функционально-семантический и структурный аспекты*. Сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. (г. Самара, 20–21 марта 2024 г.). Илюхина Н. А. (ред.). Самара: САМАРАМА, 2024. С. 323–330.

Комиссаров 1990 — Комиссаров В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Кубрякова 1996 — Кубрякова Е. С. Концептуализация. В кн.: Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. С. 93–94.

Кубрякова 2001 — Кубрякова Е. С. Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира). В сб.: *Русский язык: исторические судьбы и современность*. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 190–191.

Кубрякова 2004 — Кубрякова Е. С. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки*

зрения. *Роль языка в познании мира*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Леонтьев 2003 — Леонтьев А. А. *Основы психолингвистики*. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 285 с.

Попова, Стернин 2001 — Попова З. Д., Стернин И. А. *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.

Уорф 1960 — Уорф Б. Наука и языкознание. В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 169–182.

Щерба 1957 — Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. В кн.: Щерба Л. В. *Избранные работы по русскому языку*. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.

Эко 2006 — Эко У. *Сказать почти то же самое. Опыты о переводе*. Пер. с итал. А. Н. Ковалю. СПб.: Symposium, 2006. 574 с.

Humboldt 2019 — Humboldt W. *Linguistic Variability and Intellectual Development*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 296 p.

Sapir 1924 — Sapir E. The Grammarian and his Language. *The American Mercury*. 1924, (1): 149–155.

REFERENCES

Анисимова 2015 — Anisimova N. P. General semantics as a theoretical basis for comparative research. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Philologiya"*. 2015, (2): 7–11. (In Russian)

Апресян 1995 — Apresian Iu. D. Human image according to language data: An attempt of system description. *Voprosy iazykoznanii*. 1995, (1): 37–67. (In Russian)

Арутюнова 1999 — Arutiunova N. D. Dostoevsky's style in the frame of the Russian picture of the world. In: Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. P. 846–870. (In Russian)

Болдырев 2000 — Boldyrev N. N. *Cognitive semantics. Course of lectures on English philology*. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2000. 123 p. (In Russian)

Вежицкая 1996 — Vezhbitskaya A. *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russkie slovari Publ., 1996. 416 p. (In Russian)

Гумбольдт 1984 — Humboldt W. von. *Selected Works on Linguistics*. Ramishvili G. V. (ed.). Transl. from German. Moscow: Progress Publ., 1984. 397 p. (In Russian)

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 540 p. (In Russian)

Карасик 2009 — Karasik V. I. Concept as a unit of linguocultural code. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2009, 44 (10): 4–11. (In Russian)

Карпенко 2024 — Karpenko L. B. Spatiality as one of the conceptual dominants of the Russian language. In: *Iazyk — Tekst — Diskurs: Funktsional'no-semanticheskii i strukturnyi aspekty. Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Samara, 20–21 marta 2024 goda)*. Iliukhina N. A. (ed.). Samara: SAMARAMA Publ., 2024. P. 323–330. (In Russian)

Комиссаров 1990 — Komissarov V. N. *Theory of translation (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russian)

Кубрякова 1996 — Kubriakova E. S. Conceptualization. In: Kubriakova E. S., Dem'ianov V. Z., Pankrats Iu. G. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov*. Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU Publ., 1996. P. 93–94. (In Russian)

Кубрякова 2001 — Kubriakova E. S. Theoretical problems of Russian word formation (transposition in conceptualization and categorization of the world). In: *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Moscow: Moscow State University Press, 2001. P. 190–191. (In Russian)

Кубрякова 2004 — Kubriakova E. S. *Language and knowledge: On the way of obtaining knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in cognition of the world*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2004. 560 p. (In Russian)

Леонтьев 2003 — Leontiev A. A. *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: Smysl Publ.; St. Petersburg: Lan' Publ., 2003. 285 p. (In Russian)

Попова, Стернин 2001 — Popova Z. D., Sternin I. A. *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Istoki Publ., 2001. 191 p. (In Russian)

Уорф 1960 — Wharf B. Science and linguistics. In: *Novoe v lingvistike*. Iss. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1960. P. 169–182. (In Russian)

Щерба 1957 — Shcherba L. V. About parts of speech in the Russian language. In: Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu iazyku*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1957. P. 63–84. (In Russian)

Эко 2006 — Eco U. *To say almost the same thing. Experiments on translation*. Transl. from Italian by A. N. Koval. St. Petersburg: Symposium Publ., 2006. 574 p. (In Russian)

Humboldt 2019 — Humboldt W. *Linguistic Variability and Intellectual Development*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 296 p.

Sapir 1924 — Sapir E. The Grammarian and his Language. *The American Mercury*. 1924, (1): 149–155.